

Двадцать лет российской трансформации. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОВРЕМЕННОМ ТРАНСФОРМАЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ

Автор: Т. И. ЗАСЛАВСКАЯ

Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе*

Динамика человеческого потенциала как индикатор качества социального развития

Динамика человеческого потенциала разных стран мира представляет интерес прежде всего в контексте международных сравнений. Так, последние десять лет в рамках Программы развития ООН исчисляются и сравниваются *индексы* развития человеческого потенциала (ИРЧП) 175 стран, в том числе и России. Этот индекс состоит из трех равнозначных компонентов: *дохода*, определяемого показателем ВВП по паритету покупательной способности в долларах США, *образования*, определяемого показателями грамотности и доли учащихся среди всех детей и молодежи в возрасте от 6 до 23 лет; *долголетия*, определяемого показателем продолжительности предстоящей жизни при рождении. Итоговый ИРЧП рассчитывается как среднеарифметическая сумма названных компонентов. Теоретически его значения могут меняться от 0 до 1, но фактически они укладываются в интервал от 0,600 до 0,950. Причем нижней границей развитых стран считается значение ИРЧП, равное 0,800¹.

Содержание ИРЧП охватывает значительную и важную часть компонентов человеческого потенциала в том смысле, в котором он рассматривался в первой части данной статьи. Однако отождествлять эти понятия нет оснований. Во-первых, индексы доходов, образования и долголетия, рассчитываемые программой ООН, базируются на ограниченном числе показателей и дают лишь частичное представление о положении в соответствующих сферах общества. Во-вторых, что не менее важно, при расчетах ИРЧП совершенно не принимается во внимание инновационно-деятельностный компонент человеческого потенциала, особо важный для трансформирующихся обществ. Тем не менее ежегодный мониторинг ИРЧП всех основных стран формирует широкую и достаточно надежную картину "человеческого измерения" современного мира и в статике, и в динамике.

Результаты исследований Программы развития ООН свидетельствуют как о резкой дифференциации уровня и структуры человеческого потенциала разных членов мирового сообщества, так и о разнообразии типов его динамики. Если общемировой тенденцией служит *рост* человеческого потенциала, отражающий увеличение средней продолжительности жизни людей, улучшение качества их жизни, а также распространение

* Окончание. Начало см. "Общественные науки и современность". 2005. N 3.

¹ Подробнее методику расчета ИРЧП см. [Доклад... 2003; Россия... 1999].

Заславская Татьяна Ивановна - академик РАН, декан факультета "Московская школа социальных и экономических наук" Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, сопresident Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра).

образования, то в значительной группе стран ИРЧП остается *стабильным* и даже *снижается*. Поэтому рейтинги изучаемых стран по уровню ИРЧП и их принадлежность к группам с разным уровнем социального развития от года к году меняются. Одни страны повышают свой человеческий потенциал и в результате переходят в более продвинутые группы, другие, напротив, отесняются вниз. Отстающие общества оказываются перед необходимостью искать новые стратегии развития, способные переломить сложившуюся тенденцию.

Для стран, находящихся в процессе глубоких социально-структурных преобразований, контроль динамики всех компонентов человеческого потенциала представляет особую важность. В первой части статьи было показано, что социетальные трансформации охватывают *все три* базовые характеристики общества. Но терминальной целью любых модернизационных реформ является создание институциональных и социальных условий прежде всего для ***наращивания и эффективного использования человеческого потенциала общества.***

Посмотрим в связи с этим, как изменился за последние десятилетия человеческий потенциал России; в какой мере изменение его компонентов было вызвано институциональными переменами; какое обратное влияние на ход и результаты реформ оказала динамика человеческого потенциала? Для этого охарактеризуем важнейшие сдвиги, происшедшие в рассматриваемый период в каждом из компонентов человеческого потенциала страны. При этом за исходную точку примем состояние человеческого потенциала в последние годы существования СССР, а не РСФСР, относительно которой значительно меньше данных. Однако большинство социальных и экономических показателей по СССР и РСФСР в течение многих лет были очень близки.

Социально-демографический компонент человеческого потенциала

Демографический потенциал СССР был довольно высоким уже в силу большой численности его населения - около 290 млн. человек. Наряду с огромностью территории, изобилием природных ресурсов и, главное, наличием ядерного оружия, это было немаловажным фактором, обеспечивавшим Советскому Союзу статус Великой державы. Но в то же время советское общество отличалось заметно меньшей, чем в развитых странах, продолжительностью жизни людей, не лучшим состоянием их здоровья, низким уровнем рождаемости, широким распространением таких социальных болезней, как алкоголизм и пьянство, и заметно ухудшающимся в этой связи качеством генофонда.

Специфически российскую проблему составлял резкий тендерный дисбаланс, выразившийся в значительном преобладании численности женщин над мужчинами. Несоразмерно высокая доля незамужних женщин и матерей-одиночек негативно отражалась на воспитании детей. Устойчивость тендерного дисбаланса, сохранявшегося на протяжении десятилетий, объяснялась последствиями Отечественной войны, людскими потерями в более поздних войнах, преимущественно "мужской" направленностью массовых политических репрессий. Но главную роль играла повышенная смертность мужчин в мирное время. Например, в 1987 г. мужчина у нас в стране жил в среднем на 10 лет меньше, чем женщина. Здесь сказывались высокая доля вредных и опасных производств, где заняты преимущественно мужчины, слабая постановка охраны труда, ограниченность и слабая доступность скорых медицинских услуг и, разумеется, широкое распространение пьянства. Причем эти тенденции идеологически подпитывались традиционно укоренившимся на Руси представлением о ***низкой ценности человеческой жизни.***

За последние 15 - 20 лет социально-демографический потенциал российского общества существенно снизился. Продолжительность жизни мужчин уменьшилась с 65 лет в 1987 г. до 58,5 лет в 2002 г.² Причем сильнее всего возросла смертность трудоспособного

² Подробнее см. [Социальное... 2003, с. 436]. Из 50 стран, сравниваемых в этом источнике, более короткую продолжительность жизни (47 лет) имеют только мужчины ЮАР, где, как известно, свирепствует СПИД.

населения. Особенно резкий рост ее наблюдался в первые годы реформ. Так, в 1994 г. мужчины 35 - 45 лет умирали в 2 раза, а женщины - в 1,6 раза чаще, чем в 1991 г. Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин увеличилась с 10 лет в 1989 г. до 13,5 лет в 2002 г. Со второй половины середины 1990-х смертность россиян стала снижаться, но ее дореформенный уровень еще не достигнут [Россия... 2001, с. 72; Население... 2000, с. 103, 111]. К тому же в 2000 - 2002 гг. смертность россиян снова выросла с 15,4% до 16,3%.

В 1988 - 2000 гг. смертность населения России выросла на 25%, а рождаемость снизилась в 1,8 раза. В результате режим стабилизации численности населения сменился режимом депопуляции (на уровне 2,8% в год), лишь временно и частично компенсируемой миграционным притоком из стран СНГ (рассчитано по [Население... 2000, с. 7, 52], а также [Россия... 2002, с. 10]). По мнению некоторых ученых, современный режим воспроизводства населения России парадоксально сочетает в себе черты (низкой) европейской рождаемости и (высокой) африканской смертности [Россия... 2002, с. 14]. За 10 лет с 1992 г. по 2002 г. за счет естественной убыли численность россиян сократилась на 8,7 млн. человек (что частично, примерно на 5 млн. человек, компенсировалось положительным сальдо миграции из стран СНГ). Причем, согласно прогнозам демографов, процесс естественной убыли россиян в последующие годы будет усиливаться (подробнее см. [Россия... 2002; Демографический... 1999, с. 279 - 301]).

В сложном положении находится институт российской семьи. Снижаются показатели брачности, среди населения фертильного возраста существенно возросла доля одиночек. Одна из причин - распространение незарегистрированных сожительств, вытесняющих часть официально регистрируемых браков [Население... 2000, с. 50 - 51]. Жертвами этой в общем-то либеральной тенденции становятся в первую очередь дети. Во-первых, уменьшается общее число рождений. Во-вторых, что важнее, более четверти (27%) детей рождаются вне зарегистрированного брака. За 10 лет этот показатель вырос вдвое. Самым тяжелым образом на социализации детей сказывается тот факт, что 15% их не признаются отцами. Все больше детей, несмотря на наличие родителей, воспитываются в детских домах. Но огромную общественную опасность представляет рост беспризорничества, масштабы которого сопоставимы с теми, что были во времена после Гражданской войны. Количество детей и подростков, не посещающих школу и не имеющих постоянного места жительства, оценивается разными организациями и исследователями от 2 до 4 млн. человек, примерно половина из которых находится в возрасте 7 - 12 лет. Как правило, эти дети лишаются шансов на легитимное включение в общество, их наиболее типичная судьба - приобщение к преступному миру. Трудно переоценить тающуюся здесь угрозу будущему российскому обществу.

Развал государственного здравоохранения при недоступности большинству россиян платных медицинских услуг, резкое возрастание психологических стрессов, массовое распространение, особенно в небольших поселениях, алкоголизма и пьянства, а в больших городах - потребления наркотиков и СПИДа серьезно подорвали и продолжают ослаблять физическое и психическое здоровье нации. Заметно повысились показатели заболеваемости населения [Регионы... 2001, с. 238], причем от одних и тех же болезней россияне умирают намного раньше, чем граждане более развитых стран. Так, разница между Россией и странами ЕС в среднем возрасте смерти мужчин от сосудистых поражений мозга составляет 7 лет, болезней системы кровообращения или новообразований - 8, несчастных случаев - 13, а от инфекционных болезней - 26 лет (45 и 71 год, соответственно). Более половины взрослых граждан России нуждаются в психиатрической помощи, а по числу самоубийств страна занимает одно из первых мест в мире. Если в странах ЕС вероятность покончить с собой (число смертей на 1000 родившихся) для мужчин составляет 14, то в России - 37, аналогичные цифры для женщин - 5 и 8. Вероятность же стать жертвой убийства в странах ЕС для мужчин равна 1, для женщин - 0, а в России, соответственно, 21 и 8 [Доклад... 2003, приложение А. Табл. А-2].

Сказанное свидетельствует о том, что за период реформ социально-демографический потенциал России не просто снизился, а качественно ухудшился. Основательно *по-*

дорванной оказалась социально-биологическая основа воспроизводства населения. В известной мере это связано с тем, что расходы на здравоохранение составляют лишь 3% очень скромного ВВП России, против 8 - 10% в странах ЕС и 14% в США. С учетом душевого уровня ВВП разница между Россией и ЕС в уровне душевых затрат на здоровье составляет десятки раз.

Социально-экономический компонент человеческого потенциала

По этому компоненту человеческого потенциала СССР относился к среднеразвитым странам. Важным социальным плюсом страны было отсутствие безработицы, широкий выбор рабочих мест. Огромный размах строительства, значительный спрос на кадры разных специальностей и квалификации стимулировал широкое развитие среднего и высшего профессионального образования. Однако уровень технологий и качество советской продукции резко различались по отраслям производства: от отсталых сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности до передовой космической промышленности и современного ВПК. Огромная часть усилий затрачивалась на производство новых поколений оружия для оснащения армии и импорта в другие страны. Промышленность, обеспечивающая первоочередные нужды народа, развивалась медленнее.

Потребительский потенциал советских граждан был намного ниже, чем в развитых странах, но выше среднего по мировому сообществу. При этом важной особенностью страны была сравнительно небольшая дифференциация доходов и уровня жизни населения. Если в большинстве европейских стран соотношение доходов верхней и нижней 10-процентных групп семей составляло 7 - 9 раз, то в СССР оно слегка превышало 4 раза. Правда, эти расчеты относились лишь к основной массе населения, без учета номенклатуры. Но, во-первых, номенклатура ЦК КПСС и Минобороны вместе с членами семей составляла не более 0,5% всех граждан. Во-вторых, большая часть ее высоких доходов и роскошного потребления носила натуральный характер и была скрыта от посторонних взоров, что существенно снижало недовольство нарушением "социалистического принципа распределения по труду".

Самыми узкими местами народного потребления были дефицит жилья и низкое качество отечественных товаров. Но вместе с тем граждане СССР пользовались серьезными социальными гарантиями государства. Безработных в стране практически не было, а бездомных - немного. Практически все дети школьного возраста учились. Представителям всех социальных слоев были доступны дешевое дошкольное воспитание детей, бесплатные образование и медицинская помощь, недорогие формы организованного отдыха, включая внутрисоюзный туризм, невысокое, но надежное пенсионное обеспечение. Плата за пользование коммунальными услугами и общественным транспортом была в несколько раз ниже их себестоимости. Поэтому социальное настроение людей было в целом неплохим. В одном из сравнительных международных исследований, проведенных в конце 1970-х гг., респондентов попросили оценить качество жизни в своей стране по пятибалльной шкале. К удивлению исследователей, советские граждане оценили качество жизни в СССР в среднем на 4 балла, а граждане США качество жизни в своей стране - всего на 3 балла [Шляпентох, 2000, с. 119].

Интеллектуально и социально не подготовленные шоковые рыночные реформы вызвали глубокий и затяжной социально-экономический кризис. До 75% промышленных предприятий остановились или резко сократили производство. Многие предприятия, работавшие по российским меркам хорошо и устойчиво и составлявшие базу существования миллионов людей, оказались разрушенными и разворованными. В условиях фактического коллапса права и громадного роста финансовых рисков инвестиции в реальную сферу экономики практически прекратились. О техническом прогрессе просто забыли, основные фонды большинства отраслей подверглись ускоренному старению, громадная часть российского капитала перетекала за рубеж. Если в 1990 г. СССР отставал от стран ЕС по уровню душевого ВВП в 1,7 раза, то в начале 2000-х гг. Россия отставала от них в 3,5 раза [Шляпентох, 2000, с. 20 - 22].

Развал экономики не мог не отразиться на социально-экономическом потенциале россиян. Резко ухудшилось использование трудовых ресурсов, снизилось и их качество. Большинство сложившихся трудовых коллективов распалось, возникла и стала расти безработица. С 1992 г. по 1998 г. она увеличилась с 5% до 13,3% экономически активного населения, а в начале 2000-х гг. составляла 9 - 10%. При этом средний срок поиска работы возрос с 5,7 до 9,1 месяца, а доля тех, кто не имели работы более года, увеличилась с 18% до 38% общего числа безработных [Россия... 2002, с. 94] (правда, часть учтенных безработными на самом деле были заняты в неформальной или теневой экономике). Потеря многими россиянами постоянной работы по специальности, трудового стажа и социальных гарантий, возникновение застойной безработицы, архаизация структуры занятости и труда, связанная с увеличением личных подсобных хозяйств и вынужденным расширением сферы домашнего труда, способствовали социально-экономической деградации больших групп населения.

Разрушительное влияние на социально-экономический потенциал россиян оказало ослабление и даже исчезновение зависимости личных доходов от уровня квалификации, качества и продуктивности труда работников. На первый план вышли такие факторы дифференциации доходов, как жизнь в столице, большом городе или селе, уровень социального статуса и связей, наличие первичного капитала, обладание другими социальными, административными и личными ресурсами. Огромные состояния новых богатых, как правило, были созданы не созидательным трудом и талантом, а разного рода теневыми операциями, коррупцией и мошенничеством. Простые работы в частном секторе стали оплачиваться значительно выше, чем более сложный труд специалистов "бюджетного сектора". Социальная ценность высокопрофессионального трудакратно снизилась, массовый характер приняла нисходящая трудовая мобильность. Многие специалисты и квалифицированные рабочие сменили работу по профессии на более простые, но лучше оплачиваемые виды труда или на временные подработки.

В результате возникла невиданная в развитых странах поляризация социально-экономической структуры общества. Соотношение формально учитываемых доходов верхней и нижней 10-процентных групп семей, по данным Госкомстата, возросло с 4 до 14 раз. Исследователи же, учитывающие не только явную, но и теневую часть доходов, настаивают на разнице в 25 - 30 раз. В современной России многомиллиардные состояния узкой кучки людей сосуществуют с крайней бедностью большинства семей. Так, в 2002 г., по расчетам новосибирских ученых, душевые доходы почти половины российских семей не достигали регионального прожиточного минимума, а доходы пятой части семей - даже его половины [Богомолова, Тапилина, 2004]. Совокупность этих тенденций однозначно свидетельствует о том, что **социально-экономический компонент человеческого потенциала России за последние 15 - 20 лет существенно снизился.**

Правда, в 2000-х гг. в этом отношении как будто бы наступил перелом. ВВП России в эти годы рос на 5 - 7% в год, а реальные доходы населения увеличивались еще быстрее. Ожила некоторая часть промышленных предприятий, сильно расширилось строительство (особенно жилищное), исправнее стали выплачиваться зарплата и пенсии, уменьшилась безработица. Хотя данные сдвиги были не повсеместными и не очень устойчивыми, они вселяли надежду на близящийся перелом к лучшему. Так, летом 2004 г. индекс социального настроения россиян был самым высоким за весь период реформ³. Однако взрыв двух пассажирских самолетов в августе 2004 г. и теракт у московской станции метро "Рижская", кровавая трагедия в Беслане, а затем и кампания по "монетизации льгот" вновь резко снизили этот показатель.

³ Речь идет о таких показателях, как оценка экономического положения страны и своей семьи; отношении суммы позиций "жить можно" и "можно терпеть" к позиции "терпеть невозможно"; соотношении позитивных и негативных оценок настроения респондентов в последние несколько дней перед опросом; уровне их политического и экономического оптимизма.

Социально-культурный компонент человеческого потенциала

Уровень этого компонента определяется, с одной стороны, степенью развития в стране институтов образования, науки, литературы, искусства, спорта, а с другой - историческими особенностями данной культуры и тем отпечатком, который она накладывает на национальный характер. В Советском Союзе институциональная база культуры была развита достаточно высоко. К концу 1980-х гг. доля лиц с высшим образованием и студентов была в СССР с 1,5 раза ниже, чем в развитых странах Европы [Системные... 1999, с. 305]. Широкая сеть институтов общего и профессионального, среднего и высшего образования обеспечивала народное хозяйство кадрами, в основном соответствовавшими требованиям индустриальной экономики. Качество обучения в средних и части высших учебных заведений страны оценивалось международными экспертами как высокое. Основу качественного образования составляла высоко развитая в СССР фундаментальная и прикладная наука. По многим направлениям исследований СССР уступал только США, а в ряде областей знания он держал мировое первенство [Варшавский, Сироткин, 1999]. Важно, что не только лучшие достижения советской культуры, искусства и литературы приобретали мировое признание, но и "средний", массовый слой культурной продукции обладал достаточно высоким качеством.

Та же сторона социальной культуры, которую можно назвать *менталитетом общества*, испытывала влияние двух противодействующих факторов. Одним из них был неуклонный рост образования и культуры советских граждан, расширение их умственного кругозора, интересов к общественным проблемам. Обратное же влияние на их менталитет и повседневное поведение оказывали социально-культурные традиции, сформировавшиеся в условиях самодержавия, авторитарно-полицейских режимов, сословности и рабства. Деда и прадеды нынешних россиян *не обладали гражданскими правами*, они были подданными Его Величества, обязанными слепо выполнять указания власти. Время постреволюционных свобод оказалось очень недолгим. Монопольная власть ВКП(б)-КПСС, всепроникающая система тайного сыска ГПУ-КГБ, новое закрепощение крестьян в колхозах, по сути, воспроизводили ту же беззащитность личности перед государственным насилием, что и в царской России.

Давление исторических традиций тяжело сказывалось на менталитете советских людей, во многом элиминируя позитивное влияние растущей образованности и культуры. Отсюда ***высокая распространенность*** в массовых слоях советского общества ***патерналистских ценностей и очень слабая - достижительных***. Люди не особенно стремились расширить сферу своей самостоятельности, обрести большую независимость, взять на себя ответственность за конкретное дело. Несколько выше оценивалась свобода, понимаемая, однако, скорее, как воля, отсутствие внешних ограничений, в потенциале чреватая анархией [Шабанова, 2000⁶; Панарин... 1999].

В целом социально-культурный потенциал советских людей трудно оценивать по шкале "высокий-средний-низкий", потому что его важнейшей отличительной и усиливавшейся чертой была противоречивость и "калейдоскопичность". Растущий уровень культуры и национального самосознания приходил во все большее противоречие как с воздействием политизированных институтов, ограничивавших творческую деятельность, самостоятельность и личную инициативу людей, так и с упорно воспроизводившимися "родимыми пятнами" истории.

За годы реформ в социально-культурном потенциале россиян произошли как некоторые позитивные, так и серьезные негативные изменения. Откровенно попятные сдвиги наблюдаются в сфере школьного образования. Срок обязательного обучения школьников снижен с 11 до 9 лет. В несколько раз увеличился отсев учащихся из всех классов школы. В 1990-х гг. *неполное среднее образование*, называемое теперь *основным*, получила меньшая часть соответствующей возрастной когорты, чем в 1980-х гг. [Константиновский, 2001, с. 151]. Резко сокращена сеть малонаполненных сельских школ. В итоге впервые после 1930-х гг. в стране появились подростки, не умеющие читать и писать. В то же время крупные городские школы укрепили свою техническую базу, многие из них

оснащены компьютерами, подключены к Интернету, обеспечивают расширенное преподавание иностранных языков. Так формируются новые социальные сословия.

Сфера высшего образования количественно расширилась. Заметно выросли число вузов, выпуск студентов и аспирантов, количество защищенных диссертаций. Среди преподавателей повысилась доля профессоров и доцентов. Численность преподавательских кадров негосударственных вузов за последние 5 лет увеличилась более чем вчетверо [Наука... 2000, с. 19 - 23]. Выделилась и набирает силу группа элитных университетов, дающих студентам современные знания, востребованные профессии и возможность продолжить образование за рубежом.

Вместе с тем высшее образование становится все более дорогим и, соответственно, менее доступным детям рабочих, крестьян, мелких служащих, специалистов бюджетной сферы. Социальный состав студентов смещается в сторону среднего и особенно верхнего слоев, составляющих не более четверти общества. Кроме того, существующий размер стипендий вынуждает большинство старшекурсников работать, причем нередко на полной ставке, что отрицательно сказывается на качестве учебы.

Материально обеспеченная часть молодежи часто отдает предпочтение платной форме образования, освобождающей от поступления по конкурсу. Такая практика не только открывает дорогу к образованию менее способным людям, но и снижает мотивацию к получению знаний. Большинство "платных" студентов интересуется в первую очередь дипломом специалиста, а не предполагаемые его наличием знания. Не менее важно, что недостойно низкая оплата труда профессоров и преподавателей вынуждает большинство из них работать в нескольких вузах, а это снижает качество обучения. В итоге дипломированных специалистов в стране становится больше, а квалифицированных и ответственных работников - меньше.

Глубокий кризис переживает и российская наука, составляющая фундамент образования. В 2000 г. она получала из федерального бюджета (в постоянных ценах) в 15 - 18 раз меньше средств, чем в 1985 г. [Наука... 2000, с. 44]. В 1990 - 2000 гг. численность научных сотрудников в России снизилась с 2,8 до 1,2 млн. человек, а их вклад в мировую науку сократился в десятки раз. Возникла гигантская утечка умов: в середине 1990-х гг. из страны ежегодно эмигрировали в среднем 2,2 тыс. ученых, в последние годы эта цифра снизилась до 1,1 - 1,4 тыс. человек [Наука... 2000, с. 40]. По оценкам Совета Европы, за счет этого фактора Россия ежегодно теряет десятки миллиардов долларов. Между тем, на эмиграцию за рубеж приходится всего 10% ученых, покидающих сферу науки, остальные 90% ученых находят лучшую работу в других отраслях.

В итоге реформ заметно сократились "объем" и "плотность" письменной, особенно журнальной и книжной культуры. Видные исследователи российской культуры Л. Гудков и Б. Дубин так характеризуют динамику в этой области: "Свелось к минимуму производство кинофильмов, массовый просмотр их в кинотеатрах. Преобладающая часть взрослых россиян переключилась на ежедневный и достаточно продолжительный просмотр телепрограмм - наиболее общедоступного, гарантированного и дешевого коммуникативного средства" [Гудков, Дубин, 2003, с. 176]. Ссылаясь на государственную статистику, эти авторы показывают, что с 1990 по 2000 г. численность театральных зрителей (посещений за год) и посетителей музеев сократилась почти вдвое, число кинозрителей - почти в 40 раз, читателей массовых библиотек - на 17%. Совокупный годовой тираж газет уменьшился более, чем на треть, журналов и продолжающихся изданий - более, чем в восемь раз, книг - почти в четыре раза [Гудков, Дубин, 2003]. Российские СМИ агрессивно распространяют массовую поп-культуру, оболванивающую людей и тормозящую их трансформацию из бесправных подданных в активных граждан.

Каждая национальная культура обладает высокой инерционностью. Поэтому 15 - 20 лет - слишком короткий срок для того, чтобы господствующие социальные нормы, ценности, верования, мораль и типы правового сознания могли существенно измениться. Как справедливо отмечал Г. Дилигенский, архетипические особенности русской ментальности, отсутствие традиций гражданского действия, коренящиеся в малоизменяющейся на протяжении веков структуре отношений между деспотической властью и обществом,

пока не исчезли [Дилигенский, 2000, с. 413]. То же самое можно сказать о правовом нигилизме, патернализме и других особенностях российской культуры.

Тем не менее определенные сдвиги здесь происходят. Отмечается достаточно выраженная тенденция к индивидуализации ценностей россиян, росту их ориентации на собственные силы, рационализации поведения. У социально продвинутых групп постепенно повышается ценность индивидуальной ответственности и самостоятельности, размывается патерналистский синдром, что часто оценивается как сближение российского менталитета с западным. Однако возникающий у нас индивидуализм "нередко носит *вынужденный* характер, т.е. индивидуалистические *практики* и соответствующие им установки распространяются, *несмотря* на то, что для значительной части россиян индивидуалистические *ценности* остаются неприемлемыми". Наряду с этим имеет место принципиально новый индивидуализм, названный Дилигенским *ненормативным*, или *асоциальным*. Его носители, хотя и вынуждены считаться с общественными нормами, но более или менее осознанно противопоставляют им *собственные правила*. Их ценностные ориентации вербализуются понятием свободы, фактически толкуемом в смысле анархической *воли* [Дилигенский, 2000, с. 413- 414]. Не случайно ученые фиксируют возникшую в последнем десятилетии тенденцию к анархизации общества и массового сознания [Панарин... 1999].

Что касается социальной *ответственности* россиян, то она, как и прежде, в основном "ограничена рамками профессиональной деятельности и редко распространяется на проблемы общества. Даже наиболее преданные своему делу специалисты считают, что решение *социальных* проблем относится исключительно к компетенции профессиональных политиков и чиновников" [Дилигенский, 2000, с. 413].

В целом нельзя не признать, что по сравнению с советским временем *социально-культурный потенциал россиян заметно снизился*. Это выражается в трех тенденциях. Во-первых, в *сознательном и активном разрушении государством институциональной, материально-финансовой и кадровой базы развития науки, образования и культуры* ⁴. Во-вторых, *во все более глубокой сегрегации разных слоев общества по социально-культурным критериям* (характеру ценностей, интересов, образу и стилю жизни), что, по сути, означает возрождение сословности. Наконец, в-третьих, *в безусловном и очень резком снижении общественной морали и нравственности*: личная выгода все чаще ставится выше доводов совести, неуклонно падает авторитет закона и права, вульгаризируется повседневная массовая культура.

Инновационно-деятельностный компонент человеческого потенциала

Как отмечалось в первой части статьи, данный компонент изучаемого потенциала измеряется уровнем деловой активности, предприимчивости, инициативой и творческой энергией граждан, выступающих в роли *социальных акторов*. О его уровне можно судить по соотношению инновационных и традиционных форм мышления, действий, поведения людей, а также по имеющимся у них возможностям реализовать свои творческие потенции в деятельности, вести активную, полноценную жизнь ⁵.

В общей структуре человеческого потенциала деятельностный компонент играет особую роль. Испытывая существенное влияние со стороны демографического, социально-экономического и социокультурного потенциалов, он вместе с тем служит *реша-*

⁴ Достаточно напомнить о настойчивом стремлении администрации президента РФ лишить собственности Российскую академию наук, национализировав здания ее институтов, научное оборудование, земли опытных хозяйств, заповедников и пр. Та же политика проводится и по отношению ко многим музеям, театрам и др.

⁵ Как отмечает Н. Лапин, "в противовес представлениям о прогрессе как движении к некоторому конечному результату, находящемуся вне самого процесса движения... в новейших теориях прогресс трактуется как потенциальная способность субъекта, а не как конечное достижение. Конкретнее - как способность свободного субъекта выходить за собственные пределы, прорываться через сдерживающие трудности, "переступать границу", т.е. способность к самотрансцендентности" [Лапин, 2000, с. 22 - 23]. Думается, что деятельностный потенциал общества отражает именно эту способность.

ющим фактором их практического претворения в жизнь, и в конечном счете - роста жизнеспособности общества.

Как известно, в СССР первые постреволюционные десятилетия ознаменовались пробуждением громадной как созидательной, так и разрушительной активности самых широких масс. Десятки миллионов людей переехали из сел в города, повысили образование и квалификацию, овладели современными профессиями, сменили простой физический труд на индустриальный и интеллектуальный. Была полностью ликвидирована безграмотность. Широкий размах народной инициативы, массовый трудовой энтузиазм в какие-то 20 лет обеспечили создание нового общественного строя.

Однако мобилизация советского общества, вначале носившая идейный характер, с течением времени стала принимать все более идеологически-принудительную форму. Концентрация громадных человеческих масс для реализации крупных индустриальных проектов слабо способствовала духовной и культурной интеграции общества, формированию "единого советского народа". Достигнув зрелости, советская система фактически утратила способность стимулировать постановку новых задач, искать и находить решения сложных проблем. **Инновационно-деятельностный потенциал советского общества к началу 1980-х гг. по сравнению с 1960-ми гг. резко снизился.** В 1960 - 1970-х гг. конструктивные инициативы "снизу" перестали находить институциональную поддержку государства, а нередко стали наказываться. На занятую властью позицию люди ответили равнодушием к "инициативам", спускаемым "сверху", неуважением к законам и нормам, безразличием к труду и его результатам. Советские люди, как правило, не стремились к самоорганизации и к самоуправлению, поскольку за многие десятилетия утратили опыт открытой борьбы за свои права и свободы. Наученные жизненным опытом, они предпочитали жить незаметно, "не высываться", "быть как все", приспосабливаясь к действующим правилам игры, не посягая на слом мощной институциональной крепости, в корне душившей личную инициативу. Множество людей делали небольшие, малозаметные "подкопы" под ее основание, позволявшие в какой-то мере повышать личное благосостояние. Наиболее же инициативные и обладавшие востребуемыми ресурсами граждане реализовывали свой инновационно-деятельностный потенциал в сферах, ставших главными "инкубаторами" новых российских капиталов - теневой экономике и полуправильном "комсомольском бизнесе".

Таким образом, в 1980-х гг. **инновационно-деятельностный компонент человеческого потенциала советского общества**, призванный играть ключевую роль в социальных преобразованиях, **находился на очень низком уровне.** В этих условиях перед группой демократических реформаторов встали две одинаково важные задачи: во-первых, осуществить либерально-демократическое преобразование советского общества, во-вторых, мобилизовать массовые слои населения на поддержку перемен, обещающих заметно повысить уровень и качество жизни в стране. Иными словами, следовало пробудить социальную инициативу "снизу", поддерживающую и развивающую реформы "сверху". Причем решение этой второй задачи служило одним из ключевых условий решения первой.

Либерально-демократические реформы 1990-х гг. заметно ослабили путы, сдерживавшие инновационную активность россиян. Многие получили возможность приобрести перспективные профессии, сделать немислимую прежде карьеру, поехать учиться или работать за рубеж, развить интересные политические и гражданские инициативы, заняться предпринимательством или индивидуальной трудовой деятельностью. В новые виды деятельности, связанные с немалым риском, особенно энергично включились молодые, более образованные и инициативные россияне [Тихонова, 1999], особенно обладавшие административными и силовыми ресурсами.

Заметно выросла предпринимательская активность россиян. Так, с 1993 по 1997 г. доля бизнес-слоя в занятом населении России возросла с 14 до 21%. И хотя кризис 1998 г. стал сильным ударом по мелкому и среднему предпринимательству, к настоящему времени оно не только вернуло, но и превзошло свои прежние позиции. В качестве безусловных индикаторов повышения трудового и делового потенциала экономически ак-

тивного населения можно рассматривать быстрый рост доли частного сектора экономики в ВВП, активную институционализацию рыночных отношений, формирование региональных рынков труда, расширение ареала деятельности крупных корпораций и холдингов, развитие совместных предприятий и осязаемое расширение внешнеторговых связей. Активизировались, хотя и в значительно меньшей мере, политические, социальные и культурные инициативы граждан.

Однако все эти позитивные тенденции относятся лишь к тем 30 - 40% россиян, которые к началу реформ располагали достаточными ресурсами для включения в деловую деятельность и в дальнейшем смогли успешно адаптироваться к новым правилам игры. Остальной части населения тоже пришлось повысить трудовую активность, так как в новых условиях они иначе не выжили или не смогли бы сохранить своего статуса. Многим миллионам людей пришлось интенсивнее трудиться, работать по совместительству, браться за дополнительные приработки, расширять личные приусадебные хозяйства, интенсивнее использовать садовые участки. Хотя эти сдвиги в основном носили вынужденный характер⁶, они в какой-то мере содействовали росту деятельностного (но не инновационного) потенциала общества.

Другой слабой стороной реформ стало то, что подавляющая часть социально инициативных действий россиян реализовались *в чисто экономической сфере* и, как правило, стимулировались не общественными интересами, а стремлением к росту личного благосостояния. Конечно, есть и гражданские инициативы. Не случайно в стране зарегистрировано около 300 тыс. неправительственных организаций. Но реально из них действует только треть, причем большинство существуют на деньги иностранных спонсоров, многие носят карликовый характер [Слободская, 2001].

Крупные гражданские и политические инициативы, идущие из глубин общества, пока можно перечислить по пальцам. И это связано не столько с политической инерционностью россиян, сколько с помехами, создаваемыми на их пути чиновниками, "курирующими" гражданские организации. Но верно и то, что большинство россиян пока остаются инертными в социально-политическом плане прежде всего потому, что не верят в возможность свободной гражданской деятельности в стране. Лишь с конца 2004 г. под влиянием событий на Украине и в связи с проектом "монетизации натуральных льгот" социальное недовольство россиян стало принимать открытые и в ряде случаев действенные формы (митинги, демонстрации, блокирование дорог, политические голодовки, обращения в высшие судебные коллегии, "бунты присяжных" и др.).

Следует заметить, что все компоненты человеческого потенциала общества взаимосвязаны. Поэтому происшедшее в процессе реформ снижение остальных компонентов этого потенциала (ослабление здоровья граждан, участившиеся потери близких, обнищание громадной массы семей, усталость, раздражение, страх перед будущим), характерное для массовых групп россиян, безусловно, сдерживало рост их инновационной активности. В других условиях он мог бы быть более заметным.

Интегральная оценка динамики человеческого потенциала России

До сих пор речь шла лишь об отдельных компонентах изучаемого потенциала, интегральная же его оценка во многом зависит от того "веса", который придается каждому из компонентов. Поэтому в литературе можно встретить не только разные, но и против-

⁶ По данным социологических исследований, основная часть (более 80%) респондентов трудоспособного возраста признают, что сегодня чаще, чем до реформ, им приходится рассчитывать на свои силы, а не на помощь или гарантии извне. Однако массовый рост самостоятельности пока не привел к расширению индивидуальной свободы, будучи в большинстве случаев не добровольным, а вынужденным. В новых условиях уровень реальной свободы весьма значительной части граждан не увеличился, а уменьшился. В сельской местности и небольших городах эта часть особо велика, в конце 1990-х гг. она достигала там 68 - 73%. Даже в крупнейшем городе российской провинции - Новосибирске она составляла почти половину (47% против 18% повысивших уровень своей свободы) [Шабанова, 2000⁶].

положительные оценки. Оптимисты делают упор на ту часть россиян, энергия которых в результате реформ существенно возросла, нашла достойное применение и привела к заметным личным успехам. Пессимисты же концентрируют внимание на массовых негативных демографических, экономических, социальных и культурных процессах, а также на снижении трудового, делового и социального потенциалов тех россиян, которые сменили профессиональную квалифицированную работу на более простые виды труда, обнищали, потеряли возможность поправить здоровье, дать детям хотя бы среднее образование, пользоваться достижениями современной культуры.

О том, сторонники какого из этих взглядов находятся ближе к истине, в известной мере позволяют судить данные Программы развития ООН об ИРЧП России. Согласно этим данным, в 1992 г. он составлял 0,849, что свидетельствовало о принадлежности России к индустриально развитым странам с *высоким* человеческим потенциалом (максимальное значение этого индекса - 0,915 - имела Канада). Однако к 2000 г. ИРЧП России снизился до 0,762, в результате чего страна опустилась с 30-го на 57-е место (из 175 изучаемых стран), перейдя, согласно классификации Программы развития ООН, в группу стран со *средним* уровнем развития. Особое внимание исследователей привлекает несбалансированность разных компонентов человеческого потенциала России. Если индекс образованности ее граждан в 2000 г. оставался близким к самым развитым странам (0,91), то индекс их долголетия составлял всего 0,67, а индекс дохода - 0,70 [Доклад... 2003, с. 88], что соответствует уровню слаборазвитых стран. Эти данные подтверждают вывод В. Келле о том, что в 1990 г. *социальное развитие России характеризовалось тенденциями, обратными мировым*: "Если в большинстве стран, включая даже слаборазвитые, средний доход и уровень образования растут..., а продолжительность жизни увеличивается, то в России... эти показатели имеют обратный знак" [Келле, 1999, с. 64 - 65].

* * *

В условиях глобализации ни одно общество не может рассчитывать на выживание и укрепление своей жизнеспособности без опоры на развитый человеческий потенциал и без действенной установки на его рост. Естественно, это относится и к России. Успешно конкурировать с другими странами, а тем более закрепить за собой статус великой державы она может, лишь опираясь на достаточно крупную жизнеспособную, социально интегрированную общность здоровых, свободных, материально обеспеченных, энергичных, образованных и законопослушных граждан. В связи с этим *одной из важнейших задач современной России является преодоление сложившейся тенденции к снижению человеческого потенциала*.

В первой части статьи утверждалось, что из *трех характеристик, составляющих целостный портрет общества, самая важная и решающая - это человеческий потенциал*. Ведь движущей силой общественного развития являются люди и только люди. Без них или в случае несоответствия их социальных качеств требованиям современного мира государственная власть не способна решить ни одной проблемы. Социальное качество человеческих ресурсов оказывает мощное обратное влияние на все стороны общественного устройства. Интересы, потребности, моральные установки, правовое сознание и другие стороны менталитета граждан предопределяют принятие или непринятие обществом предлагаемых властью правил игры, объясняют причины и направления стихийной мутации институтов, переносимых в Россию из стран Запада. Социальная и профессиональная мобильность граждан, их поведение в экономической, политической и образовательной сферах формируют новую социальную структуру общества. Таким образом, *если НАРАЩИВАНИЕ человеческого потенциала объективно служит терминальной ЦЕЛЬЮ социальных реформ, то достигнутый УРОВЕНЬ этого потенциала - ключевой ФАКТОР их реализации*.

К сожалению, российская политическая элита, разрабатывая общую стратегию преобразования советского общества, не приняла во внимание этой важной закономерности. Экономические реформы 1990-х гг. фактически носили технологический асоциаль-

ный характер. Они не принимали во внимание ни интересы разных социальных групп, ни ресурсы, которыми те располагали. В ходе реформ были преобразованы экономические и политические институты, введены в действие тысячи новых законов, установлены новые "правила игры", возникла новая социальная структура. Предполагалось, что эти меры откроют дорогу народной инициативе, создадут широкое поле возможностей для смелых, эффективных, новаторских действий социальных акторов разных уровней. Но в процессе реформ оказались забытыми те люди, которым адресовались новые институты. Не был организован надежный мониторинг социальных и экономических перемен, происходивших в разных частях страны, типах поселений, отраслях и секторах экономики, разных поколениях граждан и разных социальных слоях. Сосредоточив внимание на совершенствовании правил игры, реформаторы просмотрели (или проигнорировали) небывало быстрое сокращение численности и снижение социального качества населения.

Российские политики, по-видимому, не ставят перед собой задачи стабилизации и наращивания человеческого потенциала страны. Осознанное движение к этой цели даже не начато. Ни одна политическая партия, включая Единую Россию, не выдвигает на первый план задачу физического, психологического и социального оздоровления общества. Между тем человеческий потенциал продолжает снижаться, а каким станет наше общество, когда поколение подростков займет в нем ключевые позиции, сказать очень трудно.

Политическая элита 1990-х гг. в качестве своей главной цели декларировала либерализацию экономических и демократизацию политических институтов, формирование мощного среднего класса общества. Но фактически осуществленные под ее руководством реформы послужили прежде всего личному обогащению ее представителей за счет всех остальных слоев.

Элита 2000-х гг. стремится восстановить экономическое и военное могущество России. При этом внимание сосредоточивается на восстановлении мощного ВПК и армии, укреплении вертикали власти, усилении роли государства в экономике, наведении административного порядка и пр. Предполагается, что эти меры ускорят рост ВВП, и тогда, быть может, настанет время решать социальные проблемы. Пока же вопросы, связанные с состоянием здоровья, доступностью медицинских услуг, продолжительностью жизни россиян, равно как с их жилищными условиями, занятостью, доходами, возможностями получения образования и реализации профессиональных знаний, остаются вне поля зрения власти и часто усугубляются ее ошибочными действиями.

Ярким подтверждением этой тенденции стал откровенно фискальный пакет "социальных реформ", разработанный правительством РФ и поддержанный Федеральным собранием РФ. Очевидная цель этих реформ - освободить государство от значительной части еще оставшихся за ним социальных расходов, формально переложив их на плечи не имеющих средств регионов, а реально - на население, то есть именно на тех "социальных акторов", без усилий которых невозможен подъем страны. Реализация этого пакета способна лишь ускорить падение человеческого потенциала России. Между тем недалеко уже та черта, перейдя которую общество не сможет переломить тенденцию к деградации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богомолова Т. Е., Татилина В. С. Бедные в экономической стратификации населения России. Новосибирск, 2004.

Варшавский А. Е., Сироткин О. С. Научно-технический потенциал // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики. М., 1999.

Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Разложение институтов позднесоветской и постсоветской культуры // Куда пришла Россия?.. Итоги трансформационных реформ. М., 2003.

Демографический и трудовой потенциал населения России // Современные проблемы России. Путь в XXI век. М., 1999.

Дилигенский Г. Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2002/2003. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. М., 2003.

Келле В. Ж. Человеческий потенциал и человеческая деятельность // Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода. М., 1999.

Константиновский Д. Л. Институт образования и социальное неравенство // Россия: трансформирующееся общество. М., 2001.

Лапин Н. И. Пути России. М., 2000.

Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад. М., 2000.

Наука России в цифрах. 2000. Статистический сборник. М., 2000.

Панарин А. С., Покровский Н. Е., Уткин А. И., Федотова В. Г. Анархия и порядок в посткоммунистической России // На перепутье. Новые вехи. М., 1999.

Регионы России 2000. Статистический сборник. М., 2001.

Россия в цифрах. М., 2001.

Россия 2015: оптимистический сценарий. М., 1999.

Россия: 10 лет реформ. Социально-демографическая ситуация. М., 2002.

Системные проблемы России. Путь в XXI век. М., 1999.

Слободская М. Власть и гражданское общество в современной России: перспективы взаимодействия // Мировая экономика и международные отношения. 2001. N 12.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2003. М., 2003.

Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. М., 1999.

Шабанова М. А. Индивидуальная и социальная свобода в реформируемой России // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000⁶.

Шабанова М. А. Социология свободы. М., 2000^а.

Шляпентох В. Э. Советский Союз - нормальное тоталитарное общество. Опыт объективного анализа // Социологические исследования. 2000. N 2.